

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.548-564>

EDN: FLPBST

Мусульмане Волго-Уральского региона в ожидании конца света: нарративы, акторы и тексты 1920-х – 1940-х годов

Ю.Н. Гусева

Московский городской педагогический университет

Москва, Российская Федерация

j.guseva@mail.ru

Резюме. В фокусе внимания – апокалиптический нарратив о конце света (*ахир заман*) и приближении Судного дня (*киямат*) в «святых письмах», имевших хождение в сельской среде волго-уральских мусульман в 1920-е – 1940-е годы. Сюжет изучается на основании архивных источников центрального аппарата Восточного отдела ОГПУ и опубликованных материалах. Апокалиптический нарратив и феномен «мусульманских священных писем» изучается в двух ракурсах: 1) с точки зрения понимания протестного потенциала «молчаливого большинства» – рядовых верующих и специфической части, т.н. неофициальных, религиозных суфийских лидеров-ишанов; 2) для изучения сельской мусульманской среды: ее страхов, ожиданий, настроений, паттернов религиозного мышления и мировоззренческой рамки, внутри которой осмыслились резкие масштабные социальные перемены. Для ответа на эти вопросы мы изучили содержание «священных писем», каналы их распространения и целевые группы.

Сделан вывод о том, что апокалиптический нарратив в такого рода сочинениях в большей степени служил духовной мобилизации и адаптации, нежели призывал к сопротивлению, прямо называя виновных и осуждая их деятельность. При значительном структурном и содержательном сходстве с православными «святыми письмами», магические тексты волго-уральских мусульман более сдержанны в отношении руководства страны и перемен, что, вероятно, связано со спецификой понимания власти в исламе. Кроме того, будучи типичными проявлениями вернакулярной («частной», «живой») религиозности, изученные тексты демонстрируют глубокую укорененность исламских ценностей, религиозного языка описания действительности в сознании сельского населения мусульманских регионов Советского Союза на всем протяжении первой половины XX века.

Ключевые слова: ислам в Волго-Уральском регионе, «священные письма», апокалипсис в исламе, ишаны, ишанизм, Восточный отдел ОГПУ.

Для цитирования: Гусева Ю.Н. Мусульмане Волго-Уральского региона в ожидании конца света: нарративы, акторы и тексты 1920-х – 1940-х годов. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №4. С. 548–564. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.548-564> EDN: FLPBST

Muslims of the Volga-Urals awaiting the end of the world: narratives, actors and texts of the 1920s – 1940s

Yu.N. Guseva

Moscow City Pedagogical University

Moscow, Russian Federation

j.guseva@mail.ru

Abstract. The focus of the article is the apocalyptic narrative about the end of the world and the approach of the Judgment Day in the “holy letters”, which were spread among rural Volga-Ural Muslims in the 1920s – 1940s. The plot is studied on the basis of published and archival sources preserved at the Eastern Department of the Joint State Political Directorate (OGPU).

The apocalyptic narrative and the phenomenon of the “Muslim holy letters” have been studied in two aspects: 1) from the perspective of understanding the protest potential of the “silent majority” – ordinary believers and Ishans, unofficial religious Sufi leaders; 2) in order to study the rural Muslim community: its fears, expectations, moods, patterns of religious thinking, and the ideological framework which explained social changes. To answer these questions, we have examined the content of the “holy letters”, their distribution channels, and target groups.

It is concluded that the apocalyptic narrative served more for spiritual mobilisation and adaptation rather than called for resistance, directly naming the perpetrators and sharply condemning their activities. With significant structural and substantive similarities with the “Orthodox holy letters” the magical texts of the Volga-Ural Muslims were more restrained in relation to the USSR authorities, which is probably due to Muslims’ specific attitude to power. Being typical manifestations of vernacular (“private”, “living”) religiosity, our sources demonstrate the deep rootedness of Islamic values, the religious language of describing reality in the minds of the rural population of the Soviet Union’s Muslim regions in the first half of the 20th century.

Keywords: Islam in the Volga-Ural region, holy letters, apocalypse in Islam, Ishan, Ishanism, the Eastern Department of the OGPU.

For citation: Guseva Yu.N. (2024) Muslims of the Volga-Urals awaiting the end of the world: narratives, actors and texts of the 1920s – 1940s. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 4: 548–564. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.548-564> (In Russ.)

В центре нашего внимания – апокалиптический нарратив о конце света (*ахир заман*) и приближении Судного дня (*киямат*) в «святых письмах»¹ мусульман Волго-Уральского региона. Распространение подобных текстов под разными наименованиями («духовное завещание дервиша», «завещание Пророка Магомета» и пр.) зафиксировано нами в 1920-х–1940-х гг.

¹ «Святые письма» – разновидность «магических писем»: распространяемые письменно тексты религиозной тематики, как правило, имеющие следующую структуру: 1) название; 2) молитва-заклинание; 3) легенда о происхождении и обретении «святого письма»; 4) тезис (и доказательство его) о сверхъестественной силе текста; 5) требование переписать и разослать письмо в определенный срок; 6) обещание удачи за своевременную отправку копий и наказание, если письмо не будет распространяться дальше.

Наш исследовательский вопрос: каково социальное значение практики святых писем в мусульманской среде советской эпохи и содержащегося в них апокалиптического нарратива, а также что они говорят нам о мировоззрении «молчаливого большинства»? Для этого мы изучим содержание писем, каналы их распространения и целевые группы в мусульманских сельских общинах Волго-Уральского региона в довоенное и первое послевоенное десятилетия.

Апокалиптические сюжеты являются весьма популярными и устойчивыми элементами религиозного мировоззрения мусульман в прошлом и настоящем. Подобные интерпретации текущих политических событий широко используются современными религиозными и политическими организациями². Пожалуй, наиболее известным является случай террористического т.н. Исламского государства Ирака и Сирии, породившего своеобразный эсхатологический страх, отраженный в многочисленных интернет-публикациях (Sabine Damir-Geilsdorf, 2015: 411–437).

Мотивы и фигуры, которые появляются в конце времен согласно Корану и хадисам, сегодня крайне популярны в социальных сетях. Мощный импульс апокалиптическому дискурсу в исламской онлайн среде был дан в период эпидемии COVID-19 и значительно усилился с началом российско-украинского конфликта (Рагозина, 2021: 91). Заслуживает внимания и современная языковая практика употребления термина *ахир заман* для характеристики общественных явлений в России (Зюзина, 2023: 23–24).

Апокалиптические и эсхатологические сюжеты духовной жизни общества часто изучаются социальными антропологами, историками, филологами как практики выражения недовольства, сочетаний специфических стратегий сопротивления «молчаливого большинства», «сопротивления слабым», не желающих или не имеющих возможности публично манифестировать свой протест (Городские тексты..., 2017: 6–7; Ахметова, 2010).

Практики сопротивления советского крестьянства в 1920-е – 1930-е годы, укорененные в православной традиции (слухи, «святые письма»), постоянно находятся в поле зрения исследователей, начиная с 1990-х годов. Одна из первых исследовательниц этой проблематики Линн Виола справедливо замечает: «Концепт апокалипсиса стал мерой контроля для крестьян [над собственной жизнью], служа инструментом понимания того, что в противном случае могло быть понято как бессмысленная и трагическая война с крестьянством» (Viola, 1990: 770; Виола, 2010; Фицпатрик, 2010: 68–70). Отмечает, что для крестьян коллективизация представлялась настоящим апокалипсисом, а советская власть, которую олицетворяли государство, город и городские кадры коллекти-

² Функции эсхатологических и апокалиптических нарративов хорошо изучены и весьма многообразны: они могут обеспечить простую ориентацию посредством четкой дихотомии и идентификации добра и зла, придать смысл событиям, которые иначе вряд ли можно понять или вынести, служить призывом к политическим действиям, мобилизации в объявленном сакральном конфликте. Эти сюжеты в разных религиозных традициях нередко объединяются с другими идеологиями, мировоззрениями и теориями заговора (Шнирельман, 2022).

визаторов, выступала в роли Антихриста (Viola, 1990: 770). Данные работы позволяют нам уловить основные идеи, стратегии распространения «святых писем» в среде православного населения, позволяя провести сравнительные параллели, выявить специфику.

Другая позиция исследователей состоит в том, что духовно-мистические тексты, народный фольклор являлись, прежде всего, стратегией приспособления к советской действительности. По мнению Натальи Петровой, «неподцензурная фольклорная реакция была одним из способов осмысления и адаптации этих нововведений к традиционной картине мира» (Петрова, 2017: 75; Панченко, 2013: 7; Мельникова, 2004). Но вне зависимости от подхода ученые сходятся в том, что массовое распространение подобных идей обычно продиктовано масштабными социальными изменениями и происходит наиболее активно в тех группах, которые наиболее сильно затронуты новациями.

Второй важный аспект изучения этого вопроса связан с осмыслением советской вернакулярной религиозности³ как процесса преломления религиозных установок в сознании и практиках индивида в советскую секулярную эпоху. То, что мы можем узнать о религиозной жизни в советскую эпоху, часто ограничено пристрастным характером официальных документов, сложными взаимосвязями между религиозным восприятием и процессами модернизации и секуляризации, которые должны были исключить религию из общественной жизни.

Феномен советских «святых писем», связанных с христианской традицией, часто изучается именно в этом ключе. К примеру, Дарья Радченко отмечает интересную особенность: при отсутствии связи «святых писем» с легальными религиозными институтами, они зачастую распространяются людьми, не имеющими собственного религиозного опыта. Эти практики часто осуждаются священнослужителями. Однако для внешних наблюдателей – в особенности партийных органов и правоохранительных структур – они представляются частью религиозной традиции, инструментом вовлечения в религиозные практики и институты (Радченко, 2018: 91–92, 98). Мы поразмышляем, можно ли этот тезис можно экстраполировать на «святые письма» мусульман.

Итак, следует изначально предположить принципиальное сходство социальных настроений мусульман и православных Волго-Уральского региона, пересечение апокалиптических нарративов, но при этом нам предстоит прояснить их специфику. Это, прежде всего, поможет нам осознать протестный, адаптивный потенциал практик распространения подобных текстов в среде советских мусульман.

³ «Вернакулярная религия» (vernacular religion), «вернакулярная религиозность» – термин не имеет однозначного перевода и подразумевает проявления «живой», «частной» религиозности индивидов. Предложенная западными учеными в конце XX в. схема описания религии представляет собой альтернативу общепринятой бинарной схеме описания религии, противопоставляющей высокую/низкую, элитарную/народную, институционализированную/внеинституционализированную ее формы.

Исследуемый сюжет, на наш взгляд, углубит представления о значении ислама и его социокультурных воплощений для понимания истории советского общества и государства. По замечанию Паоло Сартори, «Многие советские люди не были практикующими верующими, но хранили в запасе истории, практики и предписания, заимствованные из исламской эпистемы, которые могли быть при необходимости развернуты». Важная задача исследователей – спасение голосов этих акторов (Sartori, 2023). К подобным малоизученным формам сохранения, трансляции исламских представлений в виде «святых писем» мы и обратимся.

Редкие упоминания советских религиоведов об апокалиптике мусульман ожидаемо сводятся к обличающим сентенциям. «В пору ожесточенной классовой борьбы в деревне муллы и ишаны⁴ прибегали к запугиванию верующих близостью «конца мира», объявляли о появлении признаков «последнего времени» (*ахыр замана*), «дня страшного суда» (*кьямата*)», – писал ведущий советский исламовед Люциан Климович (Климович, 1966).

Попутно отметим, что проблематика пророчеств, «духовных завещаний», слухов и прочих проявлений вернакулярной религиозности мусульман и в имперский, и в советский период является белым пятном современного российского исламоведения. Отдельные упоминания об этом содержатся в сборниках документов и научных статьях⁵. В литературе имеются лишь фрагментарные наблюдения «закулисного дискурса» (*backstage discourse*) российских мусульман в форме слухов о крещении татар в Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв. (Загидуллин, 2012; Чернышев, 2020: 277–303) или ценные, но скудные, сведения о «народных» текстах и слухах религиозного толка в мусульманской среде в сталинский период (Селянинова, 1999, 2019). Однако работы, которые бы ставили в центр изучения «святые письма» советских мусульман и нарративы этих источников, нам, увы, неизвестны.

Итак, апокалиптический язык «божественных писем» будет нами проанализирован, с одной стороны, как элемент «закулисного дискурса» советских мусульман, с другой – как феномен их внемецетской, «живой» религиозности, который содержит важные трактовки ортодоксии («правильной веры») и ортопраксии («правильной практики»), характерные для мировоззрения советских мусульман.

⁴ *Ишан* – почётный титул руководителей суфийских братств. В Центральной Азии и Волго-Уральском регионе России для обозначения шейха, *муришда* (учителя или наставника в суфизме), а также для обозначения потомка знаменитого суфийского шейха.

⁵ См., к примеру, описание восточных рукописей и документов, пожертвованных С.Г. Вахидовым в 1925 г. в отдел восточных рукописей Центрального музея Татарской Республики, где под номером 573 значится ««Басмят Намэ-и-Расул-уллах». Завещание пророка Божие. Малого формата. Почерк простой татарский на татарском языке. Всего 3 листа. Найдена в дер. Суксу Казанского уезда зимою 1912 г.»; под номером 908 – «Завещание на персидском языке. Содержание мистическое» и пр. (Описание, 1931: 163, 200). См. также: (Петрова, 2016: 18, 26).

Очевидным препятствием на пути изучения настроений «молчаливого большинства» советских верующих, скрытых от поверхностного взгляда ценностных приоритетов является скудость источниковой базы. В этом отношении высокую информативность имеют материалы органов государственной безопасности, которые на всем протяжении существования СССР администрировали исламские институты, заметно влияли на кадровую политику, стремясь к тотальному контролю над духовной сферой. Безусловным приоритетом в работе с данной категорией документов является их внутренняя критика и пересмотр содержащихся в них оценок.

По некоторым оценкам, в 1920–1940-е годы в агентурной работе чекистов в отношении церквей «сравнительно меньшее внимание привлекал ислам, а максимальное – различные секты» (Тепляков, 2022). Однако в нашем распоряжении имеются материалы специализированного, заточенного на работу с группами населения, определяемыми как «восточные народы», «восточники», подразделения ОГПУ – Восточный отдел⁶. В материалах отдела исламу и многообразию его проявлений отведено ведущее место. Характеристику работы и источниковой базы в целом см.: (Гусева, 2018; Гусева, 2021).

Некоторые факты, которые фиксировались подобными наблюдателями в мусульманской среде различных частей бывшей Российской империи, не вписывались в привычные мыслительные конструкты, представления об исламе, о формах его бытования и потому именовались «сектантскими». Проявлением подобной «сектантской» деятельности, к примеру, считалась активность религиозных деятелей, приверженных суфийской традиции, которая в волго-уральском регионе именовалась «ишанизмом»⁷.

У советского государства в 1920-е годы не было единой картины понимания такого сложного и неоднородного явления внутри российского ислама как ишанизм. Не имелось и специфических форм воздействия на ишанов и, как следствие, выраженного репрессивного давления. Но при этом они постоянно находились под наблюдением (Гусева, 2013; Миннуллин, 2007). В информационно-аналитических материалах, которые готовились сотрудниками централь-

⁶ Восточный отдел ГПУ-ОГПУ (ВО ОГПУ, Востокотдел) – единственное в истории отечественных спецслужб подразделение, которое в 1922–1930 гг. занималось вопросами сдерживания национально-религиозных притязаний нерусских народов, антирелигиозной борьбой и администрированием деятельности мусульманского духовенства (задачи контрразведки, которые являлись приоритетными), анализом информации об обстановке на сопредельных, неевропейских, «мусульманских», территориях (функции внешней разведки, вторичны). Впервые материалы ВО ОГПУ были введены в научный оборот известным российским исламоведом Д.Ю. Араповым в начале 2000-х годов.

⁷ Ишанизм – совокупность специфических социальных и духовных практик ишанов и их последователей, связанная с суфийской традицией и бытованием ислама в мусульманских сообществах в России и стран Центральной Азии в новое и новейшее время (Гусева, 2013).

ного аппарата и местных подразделений Восточного отдела ОГПУ в Татарии⁸, Башкирии и смежных регионах, где проживали тюрко-мусульманские народы, обнаруживаются обзоры, доклады об ишанизме, сводки о деятельности ишанов.

Именно этой среде приписывалось, и небезосновательно, создание и распространение «святых писем» на исламский манер. Особо отметим, что ишаны часто были активны за рамками деятельности уфимского Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ), местных мухтасибатов.

Обнаруженные нами архивные свидетельства – переводы со старотатарского языка «святых писем» 1920-х годов с высказываниями апокалиптического характера, а также различные делопроизводственные документы (т.н. информсводки, переписка, доклады об ишанизме), дающие характеристику деятельности ишанов. Также мы будем опираться на материалы 1940-х годов, которые введены в научный оборот (Селянинова, 1999, 2019). Эти источники, при условии критического осмысления содержащихся в них оценок, позволяют ознакомиться с нарративами писем, понять каналы их распространения и востребованность в крестьянской мусульманской среде.

*«Ишанизм поднимает голову»:
спецслужбы в поисках «духовных завещаний» в 1920-е годы*

В 1923 г. в документах Татарского отдела ОГПУ появляются первые указания на то, что среди татар и башкир сохраняют свою популярность суфийские деятели – ишаны. С точки зрения государства, не будучи встроенными (в большинстве своем) в систему администрирования под контролем ЦДУМ, они находились в «серой зоне», что создавало известное напряжение у сотрудников советских спецслужб. В одном из докладов писалось, что «ишанизм поднимает голову». В чем же это проявлялось?

В 1923–1927 гг. в г. Казани, а также в Тетюшском, Мамадышском, Бугульминском, Лаишевском кантонах Татарии и прилегающих районах соседней Самарской губернии, в Башкирии, стали распространяться рукописные тексты религиозного содержания, которые в переводе со старотатарского именовались «Завет ишана (дервиша)», «Завещание Магомета». В документах спецслужб они обозначались как «воззвания», «программы-воззвания ишанов», тем самым, акцентировалась их потенциально опасная – мобилизующая, «антисоветская» – функция.

Циркулировало несколько вариантов подобных «святых писем». Они описывались примерно так: в одной из деревень Тетюшского кантона «муллы Хасим и Галиаскар распространяли среди крестьянского населения какую-то программу-воззвание ишана, написанную красными чернилами на большом листе бумаги, где указывалась приблизительная дата конца мира, соответственно, че-

⁸ Нами использована делопроизводственная документация центрального аппарата ОГПУ, сохранившаяся в Центральном архиве ФСБ России (далее – ЦА ФСБ России), которая содержит доклады и информационные сводки Татарского и Башкирского отделов ОГПУ, а также Самарского губернского отдела ОГПУ за 1923–1927 гг.

рез шесть лет, в связи с чем [утверждалась] необходимость для верующих окончательного раскаяния в своих грехах» (ЦА ФСБ России. Оп. 1. Д. 657. Л. 50–51). Отмечалось, что ишанами и их учениками-*мюридами* также распространялись копии текстов «разговора со старцем у могилы», слухи религиозного содержания (ЦА ФСБ России. Оп. 1. Д. 657. Л. 15–19).

На всем протяжении 1920-х годов сотрудники органов госбезопасности пытались найти подлинники текстов, выяснить авторство и источники распространения, но тщетно (ЦА ФСБ России. Оп. 1. Д. 657. Л. 50–51). Как это обычно бывает с подобными письмами, они распространялись сетевым образом, путем переписывания и передачи из рук в руки (т.н. фландрейская цепь).

Несмотря на то, что авторство так и осталось непроявленным, обращения к верующим атрибутировались ОГПУ как сочиняемые («сфабрикованные») ишанами. Вывод делался на основании смысловых отсылок к суфийской традиции и того, что в регионе происходило «пробуждение ишанизма вообще». Ишанам и их последователям приписывалась особая активность в их распространении (ЦА ФСБ России. Оп. 1. Д. 657. Л. 50–51, 78).

Интенсивность распространения «святых писем» действительно соотносилась с популярностью ишанов, проживавших в сельской местности Татарии, Башкирии. Отбросив специфические оценки ОГПУ, заметим, что они проявляли заметную активность в проведении еженедельных собраний верующих (*зикров*), лечении, выезжали к верующим различных селений⁹. То есть фактически вели привычную деятельность.

«Святые письма» переписывались и передавались во время еженедельных молитв и собраний, которые проводили ишаны частным образом, вне мечетей.

Типичные фрагменты из докладов о «восточной работе» 1924 г.:

В Буинском кантоне ишанов насчитывается до двух человек, но самый видный из них и авторитетный среди населения Сафа Биккулов, к которому стекаются каждый четверг крупные спекулятивные элементы для принятия молитвы... Второй ишан именуется ишаном Хаджи Гибатдуллин и уже начал принимать у себя женщин...ведет групповые приемы, проводит одиночные приемы и этим посетителям читает священные книги, дает ложные ответы» (ЦА ФСБ России. Оп. 1. Д. 657. Л. 1).

В Мамадышском кантоне «Гали Ишан Кадыров по пятницам в мечеть не ходит, молится дома. Каждую пятницу в его квартире проходят молебные собрания, на которых читается Коран, арабские религиозные книги и молятся за пророка. На пятничные собрания никого не приглашает, все идут добровольно сами, вход на собрания разрешается всем, дверь открыта всем. На собрания допускаются молодые, старые женщины, приходят и больные, собрание продолжается около

⁹ На языке спецслужб и партработников все это именовалось «фанатизированием масс и распространение вымышленных религиозных предрассудков отсталой в культурной отношении части мусульманского населения» (ЦА ФСБ России. Оп. 1. Д. 657. Л. 35).

часа. На молитвенном собрании бывает от 20 до 40 человек (ЦА ФСБ России. Оп. 1. Д. 657. Л. 10–11).

Обращалось внимание, что к ишанам особенно часто приходили женщины для лечения телесных и душевных заболеваний. Они были регулярными посетителями частных собраний (меджлисов) и участвовали в передаче писем. К передаче этих текстов имели отношение и официальные муллы. Причем имамы т.н. прогрессистского толка, настроенные на сотрудничество с властью и допускавшие возможность мирного сосуществования коммунизма и ислама, критиковали содержащиеся в «святых письмах» апокалиптические пророчества (ЦА ФСБ России. Оп. 1. Д. 657. Л. 38).

В целом можно согласиться с тем, что сельская крестьянская среда, вступившая в период резких перемен, представляла собой благодатную почву для распространения такого рода писем, а ишаны – будучи неформальными лидерами – были более требовательны в вопросах религиозного благочестия и одобряемого исламом социального поведения. Особенностей в распространении, в сравнении с православной средой, не наблюдается: в обоих случаях основные импульсы шли из околоцерковной среды. Стоит учесть и сравнительно большую неподконтрольность этой категории религиозных деятелей и наличие возможностей для передачи таких текстов. Наиболее восприимчивыми к такого рода текстам и слухам были женщины (Viola, 1990: 767). Исключением не стала и Тюрко-мусульманская сельская среда.

Следует признать правоту наблюдателей в вопросе авторства, вероятнее всего, оно принадлежало ишанам, которые были грамотны и могли скомпилировать идеи, фрагменты текстов богословского эсхатологического содержания или облечь собственные мысли в связный текст.

В ожидании Даджалья¹⁰

Об отсылке к суфийской традиции и соответствующему контексту свидетельствует нарратив подобных писем.

Сохранился перевод на русский язык одного из обнаруженных сотрудниками спецслужб «святых писем». Документ¹¹ – «Завещание Пророка Магомета» – содержит в себе следующие послылы.

Оно начинается с традиционной для «святых писем» легенды о происхождении, которая легитимирует его появление и подкрепляет корректность содержащихся в нем идей:

Данное завещание слушал дервиш, когда читал Коран у могилы Магомета. Завещание начинается так: Эй, Шайх «Дервиш», прислушивался, услышав такое восклицание, Шайх отвечает, что Шайх Ах-

¹⁰ *Даджаль* – в исламе: лжемессия, аналогичный образу Антихриста. Его появление – один из признаков приближающегося Конца света (*ахир заман*).

¹¹ Оно же в документах именовалось «Завещание дервиша». Перевод со старотатарского был выполнен в апреле 1923 г. заведующим отделом народного образования, членом партии Магдеевым. Оно же в документах именовалось «Завещание дервиша».

мет¹² внимательно слушает. Далее Магомет говорит, что из его последователей с прошлой пятницы по настоящее [время] умерло 70.000 человек, из коих только 47 человек оказались настоящими мусульманами, а остальные были лишены веры¹³.

Далее следует объяснение причин слабости веры у современных мусульман: неисполнение пятикратного *намаза*, отсутствие подчинения сына – отцу, дочери – матери, то, что младшие не почитали старших, что люди не читали изречения Корана, не верили духовенству, совершали серьезные грехи (пьянство, сплетни, измена и пр.). Затем утверждается, что предыдущие два завещания, посланные Пророком, не были приняты, а «настоящее должно быть принято обязательно, ибо это – последнее».

Следующий смысловой блок – пророчества-признаки приближающегося конца света в русле исламской апокалиптики и эсхатологии. Утверждается, что с 1932 г. начнутся катаклизмы: женщины не будут подчиняться своим мужьям, распространится жестокость. С 1933 г. к социальным болезням добавятся природные катаклизмы – начнется массовая засуха, произойдет «неботрясение и землетрясение». Затем¹⁴ появится Антихрист, когда три дня подряд не взойдет солнце. «Далее Магомет говорит, что после его смерти Гавриил должен явиться на землю 10 раз и каждый раз снимет у людей их качественное и нравственное достоинство. На девятый раз снимет Коран и на 10 – сам Ислам с земли. Из этих [пророчеств] уже исполнено восемь, осталось еще два. Скоро снимется и последних два, и это будет конец жизни».

Затем, как полагается, идет мотивационная часть: формулируется требование переписать и разослать письмо в определенный срок с обещанием спасения (в случае надлежащего поведения и отправки копий письма) и наказания, если читающий не будет следовать образцам ортопраксии и, усомнившись в правильности письма, откажется распространять его дальше: «Все, кто прочтет, тот будет иметь мое посредничество перед Богом, а если перепишет, то в раю будет и удостоится видеть самого Бога, и если кто будет сомневаться, тот лишится Ислама». В качестве обязательных этических предписаний перечисляются – совершение намаза, постоянное обращение к Богу, чтобы он простил людям им грехи, уплата *закята*. Что, по сути, представляет собой формулировку 3-х из 5-ти столпов ислама, исключая *хадж* и *рамадан*.

Переводчик указывает, что в заключение текста приводится «перечень всех некрасивых и грешных поступков, имеющих место среди людей и предлагается под угрозой превращения из человеческого образа в образ свиньи и веч-

¹² Полагаем, что речь идет об Ахмаде аль-Фаруки ас-Сирхинди (1564–1624/1625) – выдающемся индийском богослове, правоведе ханафитского мазхаба, шейхе братства накшбандийя.

¹³ В этом подразделе все цитаты даны по документу: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 135. Текст впервые опубликован: (Гусева, 2013: 163–164).

¹⁴ В источнике называются две разные даты появления Антихриста (Даджала) – 1930 и 1935.

ного оставления в аду всем покаяться и исправиться...Дальше старец /дервиш/ уверяет, что во всем сказанном нет ни малейшего сомнения и обмана и пишет всякие угрозы тем, кто будет в этом сомневаться».

Итак, анализ «Завещания» демонстрирует достаточно типичную для «святых писем» структуру изложения. Оно содержит относительно универсальный набор ритуальных и этических предписаний, обязанностей социального характера, направленных на сохранение религиозных представлений, поддержание духовенства, воспроизводство образцов ортодоксии и ортопраксии (для сравнения с православными письмами: (Радченко, 2018: 95).

Важно подчеркнуть, что подобные письма, распространенные в Волго-Уральском регионе, апеллировали, прежде всего, к вере и поведению конкретного человека и мусульман как сообщества, оставаясь вне призывов к социальной мобилизации против советской власти, руководства страны, колхозов, коллективизации. Всего того, что в «святых письмах» христианских традиций часто представало в образе Антихриста, представлялось источником вселенского зла.

Для сравнения с реалиями Волго-Урала приведем фрагмент – призыв к мобилизации, звучавший на Северном Кавказе в начале 1920-х годов, в пересказе наблюдателей:

Во время съезда в мечети прошло собрание шейхов, влиятельных мулл и мюридов секты Кунта-Хаджи при закрытых дверях, где мулла призывал собравшихся усерднее молиться Богу, предлагая всем названным записаться в мюриды, ибо близок конец мира и скоро произойдет война, сначала между Россией и Англией, а потом и по всей Европе, и что горцам-мусульманам нужно быть готовым к этой войне, которая будет и моментом освобождения их от русского влияния (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 657. Л. 12).

Обратившись к более поздним источникам 1940-х годов, мы обнаружим, что, как и ранее, «святые письма» дошли до нас в связи с активностью ишанов и их сторонников.

С 1947 г. внимание партийных органов привлекла активность ишанов в с. Благодаровка Челновершинского района Куйбышевской области (сейчас – Самарская область). В 1958–1959 гг. была проведена целая кампания по «борьбе с ишанизмом», приведшая к разгрому этого кружка. Как и в других регионах, последователи благодаровских ишанов собирались на молитвенные встречи, приходили в надежде получить душевное и физическое исцеление, читали различные религиозные книги, рукописные тексты (Гусева, 2013: 105–110).

В 1948 г. увидело свет дело «антисоветской организации ишанизма» Молотовской области» (сейчас – Пермский край) (Селянинова, 1999), благодаря которому можно уяснить содержание «святых писем», найденных у местных последователей ишанов (*мюридов*). Гульсина Селянинова, изучившая архивное дело этой «организации», пишет о нескольких рукописных текстах такого типа:

о «Завещании Зайнуллы Расулева¹⁵» и иных разновидностях «святых писем», о книгах о кончине мира («Сборник воззрений» или «Совокупность однородных») (Селянинова, 2019).

Структурно «Завещание Зайнуллы Расулева» выстроено по классическому канону, содержательно пересекается с «Завещанием Пророка Магомета» 1920-х годов. В обоих случаях зачином является осознание автором текста масштабов отпадения верующих от ислама: «...между прошедшими двумя пятницами умерло 72 тысячи человек, из них только 42 человека умерло правоверных, остальные были лишены веры» (Селянинова, 2019: 79).

Затем излагаются причины произошедшего, воспроизводящие этические установки 1920-х годов: усопшие не молились, «сыновья не служили отцам, дочери – матерям, женщины потеряли стыд, богатые не призрели бедных и нуждающихся, зачерствели души у бедных, которые бросили духовенство и избегали благодати». В «Завещании» содержались призывы молиться, держать пост, платить *закят*, не обижать ближнего, «ибо кончина мира близка», придерживаться ценностей и практик, которые делают жизнь мусульманина праведной (благородная пища, справедливость судей, довольство, терпение бедных, стыд женщин, почитание богатых, милосердие, любовь и уважение к родным, вера, чистота души) (Селянинова, 2019: 79). В других обнаруженных у арестованных мюридов письмах утверждалась важность дальнейшего распространения подобных текстов и кара за неисполнение (Селянинова, 2019: 79).

Содержательно к этим текстам примыкает добавление к книге «Конец света» Сулеймана Бақыргани – «Замме назыйр» (переводился мюридами как «Сборник воззрений», или «Совокупность однородных»), в которой имелись эсхатологические сюжеты. В ней указывалось, что «Признаками скорого прихода Даджала и кончины мира являются: падение нравов людей, неуважение к религии и духовенству, смуты, непокорность женщин, увлечение населения мирскими делами, усовершенствование способов труда» (Селянинова, 2019: 76).

Подобно «святых письмам» других религиозных традиций, в текстах, распространявшихся в 1920-х – 1940-х гг. в регионе, апокалиптические ожидания сочетались с описанием социально-нравственных изъянов современного общества и образцами благочестия. Мы видим, что недопустимыми новациями представлялись: деформация традиционной модели семейных отношений, пересмотр гендерных ролей в семье и в обществе, отказ от совершения намаза, уплаты закята и непризнание авторитета духовенства.

¹⁵ Зайнулла Расулев (1833–1917) – известный российский исламский религиозный деятель дореволюционного периода, шейх (ишан) братства *накибандийя*. Выступал за реформу исламских институтов и модернизацию мусульманского общества, пользовался большим религиозным и общественным авторитетом среди татар, башкир, казахов Волго-Уральского региона, мусульман Туркестана, Северного Кавказа. Его младший сын – Габдрахман Расулев – муфтий Центрального духовного управления мусульман России в 1936–1950 гг.

* * *

Практика хождения «святых писем» мусульман в изучаемый период в целом может быть охарактеризована как часть общего апокалиптического всплеска в среде советского крестьянства, вызванного масштабной модернизацией. Как и в православной крестьянской массе, основным источником их происхождения являлась среда, в которой они циркулировали. В случае с волгоуральскими мусульманами их появление и распространение можно связать с активной позицией ишанов и части консервативно настроенных т.н. официальных имамов. Вероятно, специфическая, дистанцированная от ЦДУМ, позиция ишанов значительно облегчала задачу тиражирования подобных текстов. Предполагаем, что данные обращения и заветы вполне могли опираться на адаптированные к современным реалиям дореволюционные образцы такого жанра.

Апокалиптический нарратив, в силу своего высокого психоэмоционального потенциала воздействия на индивида и группу верующих, демонстрирует нам проекцию основных страхов советских мусульман. К ним относились – несоблюдение столпов ислама, раскрепощение женщин и деформация модели традиционной семьи. Эти опасения являются универсальными для мусульман различных исторических эпох и культур. При этом «святые письма» содержат в себе отголоски важнейших, но пока малоизученных, богословских дискуссий о новшествах советской эпохи, которые должны были быть однозначно отвергнуты как «недозволенные» (*бида*).

Бесспорно, в этих письмах можно усмотреть стремление вовлечь верующих и колеблющихся, «отпадающих» от веры, в религиозные практики. Приближение кончины мира должно было побудить их стремиться к праведному мышлению и образу жизни, соответствию нормам исламской ортодоксии и ортопраксии. В этом отношении изучаемые тексты мало чем отличаются от «магических писем» других религий. На вопрос: являлись ли они элементами сопротивления и протестной мобилизации, служили ли опровержению или делигитимации существующего порядка вещей, наш ответ будет, скорее, отрицательным. Прежде всего, за этим стояло стремление адаптироваться к изменениям и укрепить людей в вере, а сюжет конца света выступал в качестве мобилизующего начала. Судя по нашим материалам, духовная мобилизация не имела явного антисоветского посыла и не была прямолинейно направлена против существующего режима и его политики, как это часто бывало, к примеру, в православной среде. Недовольство происходящим было в большей степени адресовано к внутренней аудитории, а не направлено во вне, с указанием источника социального коллапса. Возможно, это было связано со спецификой уважительного отношения мусульман к любой власти.

Впрочем, указанные нюансы не мешали наблюдателям трактовать подобные выражения «народного творчества» как «антисоветские», что сильно перекликается с современными трактовками их как форм «закулисного сопротивления».

Изученные проявления вернакулярной религиозности доказывают живучесть исламских ценностей и представлений, определявших субъективность советских мусульман, и подтверждают тезис о том, что отсутствие практик поклонения действительно не может считаться характеристикой нежизнеспособности исламских воззрений в эту эпоху.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 29; Оп. 1. Д. 657; Оп. 1. Д. 689.

Описание 1931 – Описание восточных рукописей и документов, пожертвованных С.Г. Вахидовым в 1925 году в Отдел Восточных Рукописей Центрального Музея Татарской Республики. Казань, 1931.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметова М. Конец света в одной отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ; РГГУ, 2010.

Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина: РОССПЭН, 2010.

Городские тексты и практики. Том I: Символическое сопротивление / Сост. *А.С. Архипова, Д.А. Радченко, А.С. Титков*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017.

Гусева Ю.Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение. М.-Н. Новгород: «Медина», 2013.

Гусева Ю.Н. Восточное измерение деятельности ОГПУ: «Восток» между географией, знанием и политикой // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н.Ельцина, 2018. С. 434–446.

Гусева Ю.Н., Сенюткина О.Н., Христофоров В.С. Пытаясь понять и вообразить ислам... (образ ислама в сознании российских элит 1880-х – 1920-х гг.). М.: ИД «Медина», 2021.

Загидуллин И.К. Татарское крестьянское движение 1878–1879 гг. // Научный Татарстан. 2012. №1. С. 63–75.

Зюзина Е.А. Об исламских религиозниках и специфике их функционирования в СМИ и социальных сетях // Исламоведение. 2023. Т. 14, № 4 (58). С. 18–27.

Климович Л.И. Борьба ортодоксов и модернистов в исламе // Вопросы научного атеизма. Вып. 2. М., 1966.

Мельникова Е. Эсхатологические ожидания рубежа XIX–XX веков: конца света не будет? // Антропологический форум. 2004. №1. С.250–266.

Миннуллин И.Р., Минвалеев А. Суфизм в советском Татарстане: к постановке проблемы // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2007. № 1. С. 143–150.

Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.

Панченко А.А. От составителя // Русский политический фольклор: Исследования и публикации. М.: Новое изд-во, 2013.

Петрова Н.С. Систематизированное собрание текстов неподцензурного советского фольклора и мифологии: Приложение к дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/pdf/2016_petrovans.pdf (дата обращения: 2.03.2024).

Петрова Н.С. Неподцензурный фольклор советской эпохи: проблемы и перспективы изучения // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 12 (33). С. 69–77.

Рагозина С. Благодетель, авторитет и «народный иджтихад» в онлайн-среде российских мусульман в период пандемии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(1). С. 76–100. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-76-100>

Радченко Д. «Не забывайте Бога»: вернакулярная религиозность советских «святых писем» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 9 (42). С. 90–101. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-9-90-101>

Селянинова Г.Д. Дело «антисоветской организации ишанизма» 1948 года // Права человека в России: прошлое и настоящее: сб. докл. и материалов науч.- практ. конф. Пермь, 21–23 июня 1999 г. / сост.: Г.Д. Селянинова и др.; ред.: Е. Зайцева и др. Пермь: Звезда, 1999. С. 72–78.

Селянинова Г.Д. Круг чтения последователей ишанизма в Пермском крае в середине XX века // Технологос. 2019. № 1. С. 71–84. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.06>

Тепляков А.Г. Советские спецслужбы в 1920–1940-х гг. против церкви: принципы конспиративной работы, источниковая база текущих исследований // ЭНОЖ История. Т. 13. Вып. 6 (116). <https://doi.org/10.18254/S207987840021878-4>

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001.

Чернышев Е.И. Народы Среднего Поволжья в XVI – начале XX века: избранные труды / сост., авт. предисл., прим., указ. и сокр. И.З. Файзрахманов; под ред. И.К. Загидуллина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2020.

Шнирельман В.А. Удерживающий. От апокалипсиса к конспирологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2022.

Sabine Damir-Geilsdorf. Narrative Reconfigurations of Islamic Eschatological Signs: The Portents of the “Hour” in Grey Literature and on the Internet. In: Special Issue of Archiv Orientalni: Death, graves and the Hereafter in Islam: Muslim perception of the last things in the Middle Ages and today 83 (2015). P. 411–437.

Sartori Paolo. Why Soviet Islam Matters in Geistes-, sozial- und kulturwissenschaftlicher Anzeiger, 157/158. Jg. 2022/2023, P. 5–24. <https://doi.org/10.1553/anzeiger157-1s5>

Viola L. The Peasant Nightmare: Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside in The Journal of Modern History. 1990. Vol. 62. Issue 4. P. 747–770.

REFERENCES

Akhmetova M. (2010) *The end of the world in one single country: Religious communities of post-Soviet Russia and their eschatological myth*. Moscow: OGI; RGGU Publ. (In Russ.)

Chernyshev E.I. (2020) *Peoples of the Middle Volga region in the 16th – early 20th centuries: selected works*. I.Z. Fayzrakhmanov; I.K. Zagidullin (eds.). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Fitspatrik Sh. (2001) *Stalin's peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s: the village*. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.)

Guseva J.N. (2013) *Iskhanism as the Sufi tradition of the Middle Volga in the 20th century: Forms, meanings, significance*. Moscow-Nizhny Novgorod: Medina Publ. (In Russ.)

Guseva J.N. (2018) The Eastern dimension of OGPU activity: “East” among geography, knowledge and politics. *Uroki Oktyabrya i praktiki sovetskoy sistemy. 1920–1950-e gody*. Proceedings of the 10th International scientific conference. Moscow. December 5–7, 2017. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya; B.N. Eltsin Presidential Center: 434–446 (In Russ.)

Guseva J.N., Senyutkina O.N., Khristoforov V.S. (2021) *Trying to understand and imagine Islam ... (the image of Islam in the minds of Russian elites of the 1880s – 1920s)* Moscow: Medina Publ. (In Russ.)

Klimovich L.I. (1966) The struggle of the Orthodox and modernists in Islam. *Voprosy nauchnogo ateizma* [Issues of scientific atheism]. Vol. 2. Moscow. (In Russ.)

Melnikova E. (2004) Eschatological expectations at the turn of the 19th – 20th centuries: Will there be no end of the world? *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum]. No. 1: 250–266. (In Russ.)

Minnullin I.R., Minvaleev A. (2007) Sufism in Soviet Tatarstan: towards articulation of a problem. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of centuries]. No. 1: 143–150. (In Russ.)

Panchenko A.A. (2002) *Christovshchina and the flock: folklore and traditional culture of Russian mystical sects*. Moscow. (In Russ.)

Panchenko A.A. (2013) *From the compiler. Russian political folklore: Research and publications*. Moscow: Novoye Publ. (In Russ.)

Petrova N.S. (2016) Systematised collection of texts of uncensored Soviet folklore and mythology: Appendix to Diss. Cand. Philol. Sciences *Folklore and postfolklore: structure, typology, semiotics*. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/pdf/2016_petrovans.pdf (accessed: 2.03.2024). (In Russ.)

Petrova N.S. (2017) Uncensored folklore of the Soviet era: problems and prospects of study. *Vestnik RGGU. Seriya “Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie”* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. History. Philology. Culturology. Oriental Studies Series]. No. 12 (33): 69–77. (In Russ.)

Radchenko D. (2018) “Do not forget God”: vernacular religiosity of the Soviet “holy letters”. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie»* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. History. Philology. Culturology. Oriental Studies Series]. No. 9 (42): 90–101. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-9-90-101> (In Russ.)

Ragozina S. (2021) Piety, authority and the “people’s ijihad” in the online environment of Russian Muslims during the pandemic. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. No. 39(1): 76–100. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-76-100> (In Russ.)

Sabine Damir-Geilsdorf (2015) Narrative reconfigurations of Islamic eschatological signs: The portents of the “Hour” in grey literature and on the Internet. In: *Special issue of Archiv Orientalni: Death, graves and the hereafter in Islam: Muslim perception of the last things in the Middle Ages and today*. No.83: 411–437.

Sartori P. (2023) Why Soviet Islam matters. *Geistes-, sozial- und kulturwissenschaftlicher Anzeiger*, No. 157/158. 2022/2023: 5–24. <https://doi.org/10.1553/anzeiger157-1s5>

Selyaninova G.D. (1999) The case of the “anti-Soviet organization of Ishanism” in 1948. In: G.D. Selyaninova, E. Zaytseva, et al (eds). *Human rights in Russia: the past and the present: a collection of reports and materials from the scientific-practical conference*. Perm, June 21–23, 1999. Perm: Zvezda Publ.: 72–78. (In Russ.)

Selyaninova G.D. (2019) The circle reading of Ishanism followers in the Perm region in the middle of the 20th century. *Tekhnologos* [Technologos]. No. 1: 71–84. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.06> (In Russ.)

Shnirelman V.A. (2022) *The one who withholds. From the apocalypse to conspiracy*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.)

Тепляков А.Г. (2022) Soviet special services in the 1920s – 1940s against the church: principles of conspiratorial work, the source base of current research. *ENOZh Istoriya* [Electronic academic journal History]. Vol. 13. No 6 (116). <https://doi.org/10.18254/S207987840021878-4> (In Russ.)

Urban texts and practices. Vol. 1: Symbolic resistance (2017) Compiled by A.S. Arkhipova, D.A. Radchenko, A.C. Titkov (eds). Moscow: RANKhiGS, Delo Publ. (In Russ.)

Viola L. (1990) The peasant nightmare: visions of apocalypse in the Soviet countryside. *The Journal of Modern History*. Vol. 62. Issue 4: 747–770.

Viola L. (2010) Peasant revolt in the Stalin era: collectivization and culture of peasant resistance. Moscow: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina: ROSSPEN Publ. (In Russ.)

Zagidullin I.K. (2012) Tatar peasant movement of 1878–1879. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. No. 1: 63–75. (In Russ.)

Zyuzina E.A. (2023) On Islamic religious names and the specifics of their functioning in the media and social networks. *Islamovedenie* [Islamic studies]. Vol. 14. No. 4 (58): 18–27. (In Russ.)

Сведения об авторе: Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук, профессор департамента истории, Московский городской педагогический университет (129226, 4-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-5731-7274>; e-mail: j.guseva@mail.ru

About the author: Yulia N. Guseva, Doctor Sc. (History), Professor at the Department of History, Moscow City Pedagogical University (4 4th Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow 129226, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-5731-7274>; e-mail: j.guseva@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 5.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 27.05.2024

Принята к публикации / Accepted 12.08.2024